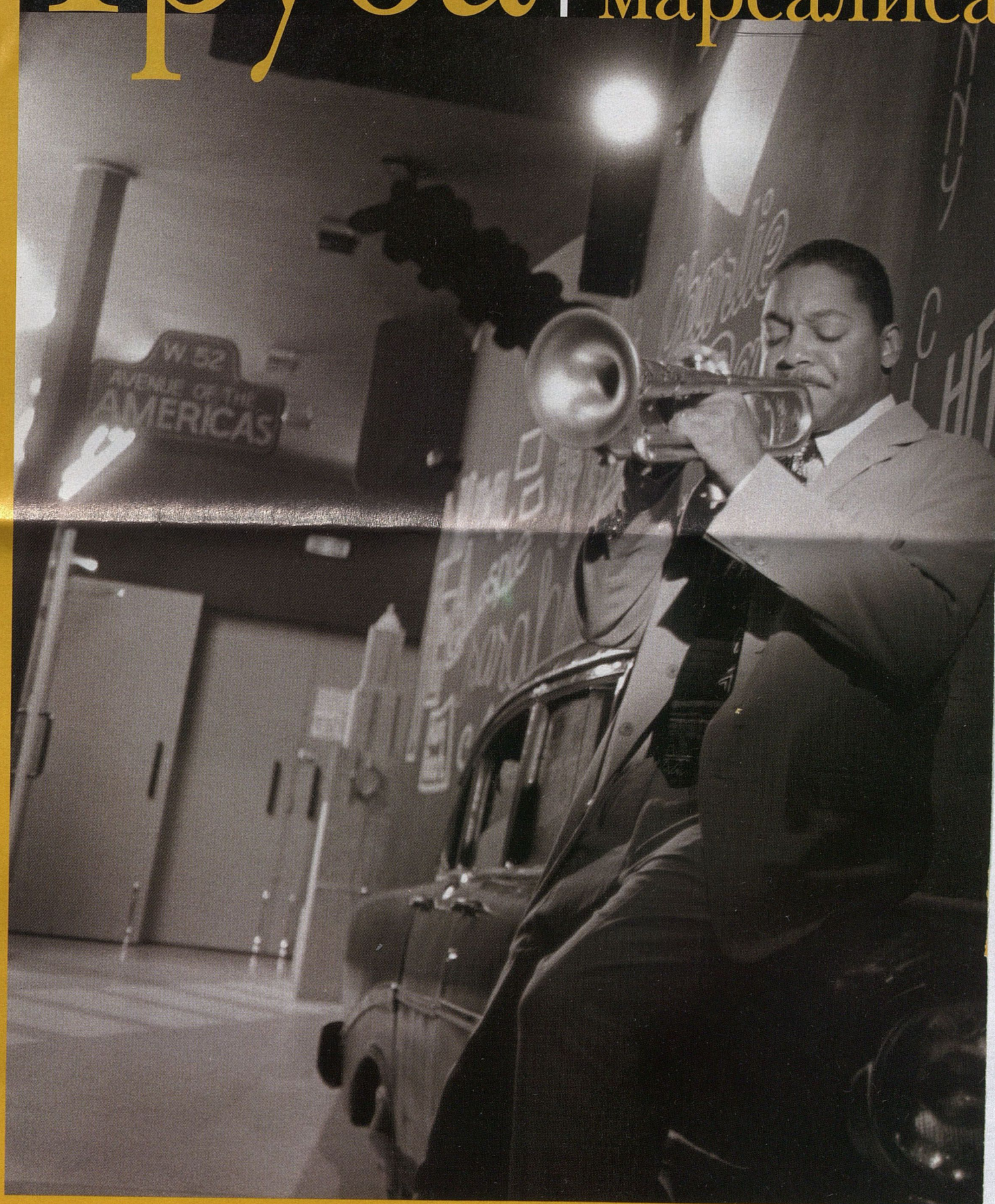

Груба | уинтона марсалиса

Луи Армстронг, Диззи Гиллеспи, Майлз Дэвис прославили джазовую трубу за пределами Америки, Америку – за пределами джаза.

В пантеоне супертрубачей нашлось местечко и для чернокожего виртуоза Уинтона Марсалиса, с появлением которого ветхое искусство Нового Света стало модным и популярным даже среди завсегдатаев дискотек. В ожидании московских концертов нового короля трубы разведать его историю решился обозреватель «Афиши»

Вадим Журавлев.

Уинтон Марсалис не по душе мировой джазовой тусовке. Продвинутое джазмены никогда не простят ему: 1) предательства современного интеллектуального джаза; 2) вершин в хит-парадах; 3) роли «министра джаза», которую он играет в Нью-Йорке; 4) того, что смешил зеленые джинсы и грязные башмаки на смокинг и лаковые штиблеты; 5) степени доктора философии и многочисленных публичных выступлений на тему развития американской культуры; 6) имени «Уинтон Марсалис» в списке 25-ти самых влиятельных людей Америки, составленном журналом «Тайм».

Уинтон Марсалис родился в 1961 году на жарком американском юге, в бедных негритянских кварталах Нового Орлеана (штат Луизиана). Там по реке Миссисипи плавают колесные пароходы и каждый год бывает карнавал. Его родители часто сидели без работы, ломая головы, чем бы накормить пятерых детей. Утрите слезы! Кино про жизнь чернокожего вундеркинда из нищей семьи отме-

перед растроганными взрослыми. Играл фальшиво, но взрослые все равно умилялись (зато его не ставили на стул читать стихи!). В школьном джаз-оркестре его приветствовали радостным возгласом: «К нам пришел сын Эллиса Марсалиса!». Но после первой репетиции прозвучал вопрос: «Ты уверен, что твой отец Эллис?». Обида? Усомнившийся в происхождении Марсалиса моментально схлопотал по зубам. «Я с детства был очень гордым, это у меня от двоюродного деда. Никому не позволял называть меня «черномазым» или еще как-нибудь, как мне не нравилось. Я тут же лез в драку». Лезть в драку за свое будущее в джазе Уинтону сперва не хотелось. И хотя вместе с братом Брэнфордом (ставшим к тому времени саксофонистом) он и продолжал посещать репетиции школьного оркестра – всерьез задуматься о карьере музыканта не спешил. Рядом был отец. Как джазмен, считает сегодня Марсалис, «он был на голову меня выше. Отец знал все вещи Гершвина, Портера, Эллингтона, все традиции американской музыки. Умел импровизировать, играл настоящий джаз. Мы ничего такого не слышали, хотя у нас были за-

не много друзей, но я по-прежнему был весел. Учился готовить еду. Учился любить Нью-Йорк. Я не ходил в «Линкольн-центр» или Музей современного искусства, а просто стоял снаружи. И говорил себе: «Е, «Линкольн-центр». Голливуд торжествует! Наезд камеры, крупный план: студент в зеленых джинсах, стоящий перед крупнейшим в Америке центром искусств, превращается в роскошно одетого руководителя джаз-оркестра вышеупомянутого центра».

В жизни все было не так стремительно, но и ползти годами к вершинам хит-парадов Марсалису тоже не пришлось. Уже в Джулиарде он выступал солистом в ансамблях барабанщика Арта Блэки и в Jazz Messenger. К тому же активно играл классику. В детстве он считал: «Классика – это музыка для старых и богатых белых». Детские принципы пришлось послать подальше: классика была нужна для заработка. «Я работал в оркестрах с десяти утра до часу ночи. Но у меня было жесткое правило – не ложиться спать, пока не позанимаюсь. Сейчас я только мечтаю о такой жизни».

Я прихожу в бешенство от Мадонны. Она может прокричать в зал: «Скажите fuck!». И каждый из 50 000 человек заорет «fuck». Тоже мне – успех.

няется. Может быть, история Марсалиса и напоминает голливудский сценарий, однако это совсем не «мыльная опера». Просто его отец, как и любой нормальный творческий человек, тяготел к сдельной оплате труда и свободному графику. Марсалис-старший был известным на весь Новый Орлеан джазовым пианистом. Судьба маленького Уинтона решилась рано и без его непосредственного участия. Трубоч Эл Херт, в оркестре которого работал Марсалис-папа, решил подарить шестилетнему Уинтону музыкальный инструмент. У его старшего брата уже был кларнет, поэтому младшему досталась труба. Подсказкам судьбы будущий виртуоз старательно сопротивлялся – целых шесть лет подарок знаменитого трубача провалялся в детской. «Парень я был веселый, выкидывал разные кренделя. – Что за кренделя? – Да всего-навсего швырял в прохожих камнями из окон трамвая и, конечно, гонял мяч сразу в трех видах: бейсболе, футболе, баскетболе». Умение соблюдать свод правил в разных стилях, созданных задолго до него, возможно, навело Уинтона на мысль о музыке. И в 12 он все же взял в руки подарок отцовского шефа. Уинтон, правда, очень боялся, что вечный круглый след от мундштука вокруг рта не будет нравиться девчонкам, но это его не остановило. Выучив перво-наперво «Морской гимн», новоиспеченный трубач сделал несколько попыток выступить

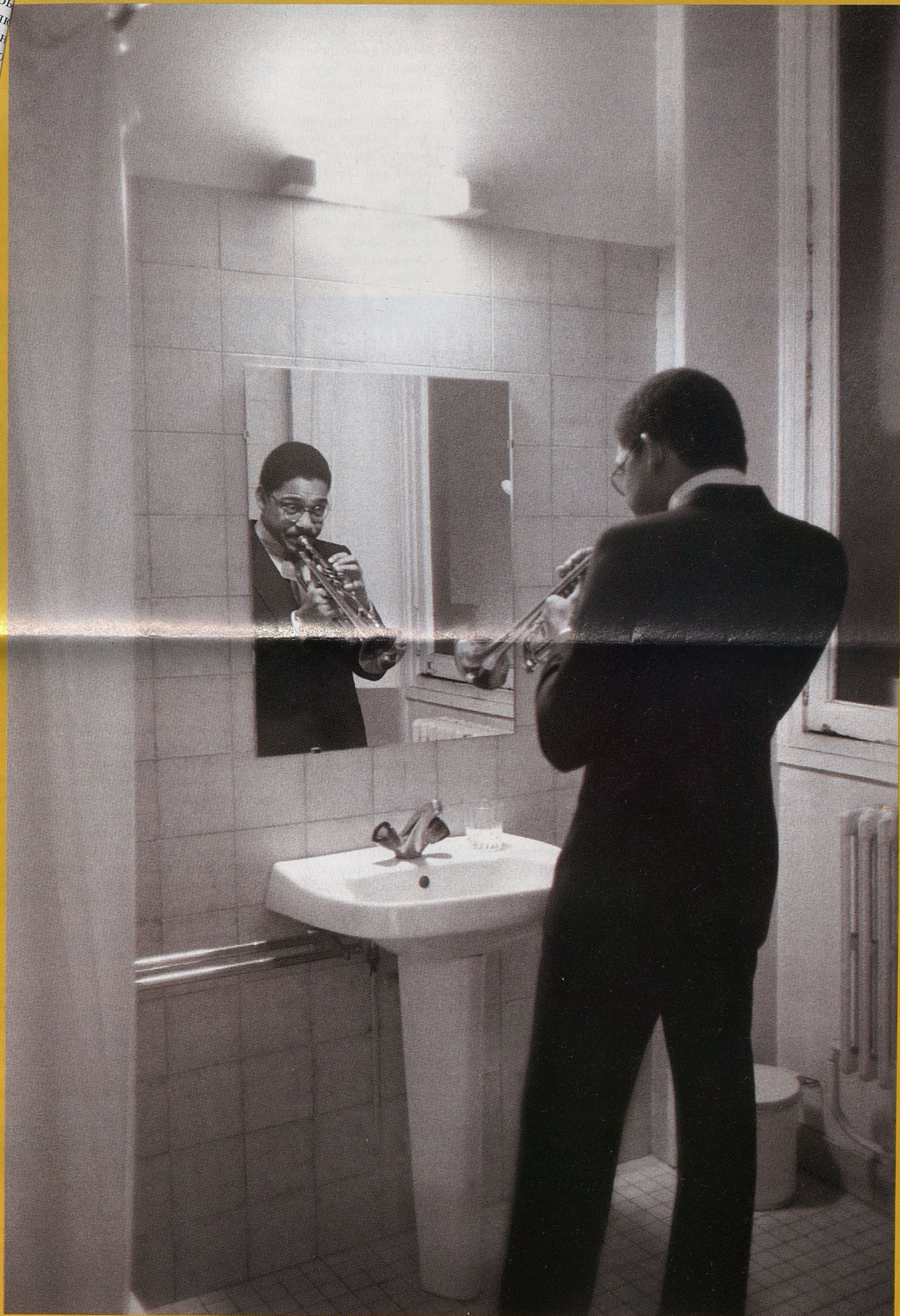
писи Майлза Дэвиса или Диззи Гиллеспи. Но это совсем другой мир». Отец выпускал детей на своих концертах. Импровизировать у них не получалось. Свинговать – тем более.

Его сверстники слушали рок, играли в баскетбол и ходили купаться на Миссисипи. Никто из них не понимал, как можно все это променять на занятия музыкой по пять часов в день. Теперь Марсалис сам не может вспомнить, когда он заболел трубой. Определенно, что с 14 лет он стал планомерно играть этюды. Такое могли выдержать только в семье джазмена: пять часов ежедневного дудения! Отец не особенно одобрял выбор младшего сына. Две губы и две щеки – не то же самое, что десять пальцев пианиста. Музыка своего поколения Уинтон играть не захотел. «Для меня рок всегда был чем-то обидным. Типа знакомства с девушкой и все такое прочее. Я сравнивал рок-концерты и концерты отца. И мне всегда было понятно, что между роком и джазом – глубокая пропасть». Роль ретромана была уготована ему, по видимому, вместе с ролью трубача. Но для начала веселый парень из провинциальной Луизианы приехал покорять Нью-Йорк. В музыкальной школе Джулиарда, обители сновов, он появился в зеленых джинсах и грязных башмаках. «Мне было только 17. У меня было

Взлет Марсалиса был умопомрачительным. Что еще скажешь про музыканта, который в 22 года получает две премии «Grammy» сразу в двух номинациях: «классический солист» и «джазовый солист». Через год – еще две «Grammy». Таким универсалом в Америке был разве что Бенни Гудмен, легко переходивший от игры с биг-бэндом к концерту Моцарта для кларнета. В 80-е годы Марсалис – самый модный молодой музыкант. Его наперебой приглашают играть и записываться. Певица Кэтлин Бэткл, известная своим скандальным характером примадонна «Метрополитен-Опера», записала с ним арии из кантат Баха и Генделя (виртуозная работа обоих). Уинтон выступал вместе с настоящими академическими монстрами – дирижером Сейджи Озавой и виолончелистом Йо-Йо-Ма. Но в классике настоящему трубачу негде было развернуться. «Это вам не фортепиано, для которого написаны тысячи пьес. Я люблю классику, но та музыка, которая мне нравится, написана совсем не для трубы».

Другое дело – джаз: «Слушаешь его и чувствуешь что-то человеческое, возвышенное. Нет привкуса насилия. Эта музыка помогла многим забыть викторианские представления о сексуальности. Рок-н-ролл под видом раскрепощения подает самое настоящее сексуальное ▶

режнему бы
Учился ли
ил в «Лив
ременного
ужи. И го
тр». Гол
ы, круп
инсах,
ерике
рос-
рке-

1. Harry Connick, Jr. «To See You» Sony Music

Гарри Конник-младший начал записывать пластинки в двадцать лет. Он сочиняет музыку для фильмов и часто снимается в кино («День независимости»). Первый же саундтрек Конника (к фильму «Когда Гарри встретил Салли») заслужил премию «Grammy» в категории «Лучший джа-

зовый вокал». По манере пения его сравнивают с Фрэнком Синатрой.

2. Diana Krall «Love Scenes» UNI / Impulse

Впервые появившись перед публикой семь лет назад, молодая канадская певица и пианистка взлетела к вершинам мирового джазового олимпа. Пластинки, которые Дайана записывает в пере-

рывах между выступлениями в Северной Америке, Европе и Японии, лидируют в чартах «Билборда» и год за годом выдвигаются на премию «Grammy».

3. «Midnight In The Garden Of Good And Evil» Malpas Records

Саундтрек к психологическому детективу Клинта Иствуда «Полночь в саду добра и зла». За кадром зву-

чат песни Джонни Мерсера в исполнении Дайаны Кролл, Фрэнка Синатры, Кассандры Уилсон, Розмари Клуни, Кевина Махогани, Джо Уильямса, саксофониста Джошуа Редмана и даже самого Иствуда.

4. «Jazz... An American Original» Narm Classic and Jazz Committee

Сборник самых разнообразных исполните-

лей, среди которых есть признанные корифеи (Дейв Грузин, Рэнди Брекер, Эрик Рид) и даже джазовая легенда Сонни Роллинз. Правдивая картина современной американской джазовой сцены: от классики до модных электронных ритмов.

5. Wynton Marsalis «The Midnight Blues – Standard Time Volume 5» Columbia

Собрание лирических

джазовых стандартов, записанных Марсалисом с пианистом Эриком Ридом, басистом Реджинальдом Вилом, барабанщиком Льюисом Нэшем и струнным оркестром из 42 музыкантов. Заглавная вещь «The Midnight Blues» выдвинута на премию «Grammy» как лучшая инструментальная композиция 1999 года.

Все убеждены, что Beatles – величайшая группа на свете.

Не хочется людей переубеждать. Это все равно что отговаривать их есть бигмак, курить траву, нюхать кокс или ширяться героином, когда все они от этого тащатся. Beatles – эквивалент таких разрушительных штук для американской культуры. Настоящая эрозия качества. Перейти от композиторского уровня Гершвина к уровню Джона Леннона – глубокое падение.

Если есть сомнения, послушайте «Порги и Бесс», а потом «Yesterday» или «Michelle». Ни в какое сравнение не идет. И дело, естественно, не в цвете кожи.

насилие. А настоящее раскрепощение – в чувственности и романтике. В лиризме великих песенников, Гершвина и Портера, или инструменталистов вроде Луи Армстронга и Дюка Эллингтона. Однако джаз середины 80-х совсем не походил на музыку тех великих авторов. Он уже успел впитать в себя как изыски модернизма, так и контркультуру 60-х. Впрочем, это нисколько не влияло на его популярность. Вернее – на ее отсутствие.

Марсалиса не очень радовала перспектива стать звездой андеграунда. Он уже вкусил успеха, и меньше всего ему хотелось опускаться на дно ночных клубов. Для широкой американской публики ренессанс старого доброго джаза начался именно с него. Простым любителям «музыки толстых» быстро понравились незатейливые и ясные мелодии в духе Эллингтона, которого Марсалис умело водрузил на джазовые хоругви. Им незачем было знать, что Дюк Эллингтон был совсем не так прост и порой выдумывал для своего бэнда целые симфонические сюиты в мрачно-эксцентричном стиле. Марсалису же для успешного освоения новых аудиторий пришлось стать принципиальным ретроградом. И даже немного схитрить: его вопиюще традиционный «наивный» джаз на самом деле сильно отличается от настоящей негр-итянской культуры. Это скорее конгломерат ритуальных традиций черного Юга с изощренностью «белой» классики. Вместе с тем, нимало себе не противоре-

ча, Марсалис-импровизатор прославляет в джазе чувственную ценность деталей: «Чьи-то ботинки, или поглаживание усов, одежда на людях, серьги, движения женщины. Она может так облизать губы, нахмурить брови, взглянуть на тебя...». Реплика Уинтона после прочтения «Илиады»: «Из этого можно сделать великую музыку!». И он ее делает.

Два года назад Уинтон Марсалис первым из джазовых композиторов получил престижную Пулицеровскую премию за цикл пьес «Blood in the Fields». Он любит повторять: «Мое главное достижение – это люди, которые приходят ко мне и признаются, что под мою музыку они праздновали годовщину ухода на пенсию или занимались любовью и заделали ребенка». Так думает и чувствует сегодня джазовый идеал 90-х – Уинтон Марсалис.

Занимая официальную должность художественного руководителя джазовых программ «Линкольн-центра», Уинтон Марсалис активно сватает джаз в главные культурные достижения Америки: «Американская мифология в последние годы сильно изменилась. Она не представляет Штаты такими, какие они есть на самом деле. Хороший пример – фильмы про ковбоев. Добрые и благородные герои, и тут же – оскорбление целому народу (индейцам). Нам нужно что-то, что не оскорбляло бы других народа. А это и есть джаз, в котором вы найдете элементы даже японской и китайской музы-

ки». Во всем, что касается идей и мнений, Марсалис уверен и осторожен.

В прошлом году джаз-оркестр «Линкольн-центра» выступал в Москве с колоссальным аншлагом. А также иллюстрировал мастер-класс Марсалиса в консерватории. Столько народу было лишь на мастер-классе Ростроповича: студенты сидели в проходах и давились за дверями. Особенно любознательные спрашивали Марсалиса, как удается ему так запросто перестраивать губную технику с барокко на джазовый мейнстрим. В ответ звучал счет «one, two, three», на слабую долю вступал оркестр, и первые такты новой композиции тонули в аплодисментах.

На этот раз зал Государственного Кремлевского дворца, кажется, сможет вместить всех поклонников короля трубы. Ожидается джазово-симфонический коктейль: Марсалис и его сподвижники выступят вместе с Российским национальным оркестром под управлением Дмитрием Лисса. В программе «Пер Гюнт» Эдварда Грига – симфонический шлагер, аранжированный Дюком Эллингтоном, и мелодии самого Дюка, но уже в обработке Уинтона Марсалиса. **THE END**

Государственный Кремлевский дворец,

5 июля, 19.00.

Билеты (100-700 р.) продаются в кассах Государственного Кремлевского дворца и офисе Российского национального оркестра.

917 23 36, 928 52 32, 128 78 11